

ОДИССЕЙ

человек в истории

Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича

В этом номере:

Скандинавская мифология

История и литература

Историческая география

2025 №1

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ОДИССЕЙ
Человек в истории

*Исторический синтез
и научное наследие А.Я. Гуревича*

2025
№1

Москва
ИВИ РАН 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY

ODYSSEUS
Man in History

*Historical Synthesis
and the Scholarly Legacy of A. Ya. Gurevich*

2025
№1

Moscow
IWH RAS 2025

УДК 94

ББК 63.3(0)

О 42

Издание основано в 1989 году

А.Я. Гуревичем

Редакционная коллегия:

А.О. ЧУБАРЬЯН (гл. ред.), Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. гл. ред.), Н.А.
БОЛДЫРЕВА, А.Б. ГЕРШТЕЙН (отв. секретарь), О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А.
ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (зам. гл. ред.; отв. ред.), О.В. ОКУНЕВА, М.Ю.
ПАРАМОНОВА, А.В. ТОЛСТИКОВ

Редакционный совет:

В. ВЖОЗЕК, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, А.А. ПАНЧЕНКО, Л.П. РЕПИНА, Ж.-К.
ШМИТТ, П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук А.И. СИДОРОВ
кандидат исторических наук Н.А. СМИРНОВА

Одиссей. Человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М.: Наука, 1989.–

ISSN 1607-6184

2025. №1 (34): Исторический синтез и научное наследие А.Я. Гуревича / [гл. ред. А.О. Чубарьян; отв. ред. С.И. Лучицкая]. - М.: ИВИ РАН, 2025. - 354 с.

Весь настоящий выпуск журнала «Одиссей. Человек в истории» посвящён материалам конференции, состоявшейся осенью 2024 г. и приуроченной к 100-летию со дня рождения выдающегося российского учёного, одного из ведущих представителей «новой исторической науки» XX века — А.Я. Гуревича. Тематика конференции охватывала широкий круг вопросов, связанных с творческим наследием учёного: от скандинавистики и социальной и культурной истории средневековой Европы до исторической теории и изучения самой истории исторического знания. Публикуемый том отражает богатство и многообразие научных интересов А.Я. Гуревича и демонстрирует жизнеспособность и актуальность созданного им направления — исторической антропологии.

Издание адресовано специалистам в области гуманитарных наук, студентам, а также всем, кто интересуется историей и современными подходами к её изучению.

© Коллектив авторов, 2025
© Лучицкая С.И., отв. ред. выпуска, 2025
© Институт всеобщей истории РАН, 2025

Оглавление

А.Я. Гуревич и Историческая Антропология

«Человек в истории»: гуманистические аспекты исследовательской парадигмы А.Я. Гуревича в работах 1970—2000-х гг. 9

Бычков П.С.

«Проблемы средневековой народной культуры» и полемика о смехе на Руси 28

Трахтенберг Л.А.

Исследования истории ереси и инквизиции как направление в современной историографии 51

Бакус Г.В.

Некоторые замечания о проблематике понятия «Другого» у А.Я. Гуревича и в современных общественных науках 81

Левинсон К.А.

Картины мира и стили мышления в средневековой Европе: постановка проблемы 95

Воскобойников О.С.

Скандинавская Мифология

Время древнескандинавской мифологии 123

Мельникова Е.А.

«Прядь о Торстейне Морозе»: инфернальное, страх и смех в отхожем месте (Эпоха викингов и Средневековый Восток) 145

Петрухин В.Я.

Древнеисландское «Видение Раннвейг» в контексте переводных скандинавских видений 161

Матюшина И.Г.

История и Литература

Средневековый мотив «адской охоты»: от ехемпла к новелле.....191
Стаф И.К.

«Книга путешествий» Джона Мандевила и ее английские критики
XVII в. 209
Тогоева О.И.

Николай Греч как русский Нодье? Эпизод из истории русско-фран-
цузских литературных отношений 226
Мильчина В.А.

Из Истории Повседневной Жизни

Парижане под надзором полиции: деятельность секретных агентов
во второй половине XVIII в. 243
Пименова Л.А.

Советские медиевисты в роли идеологов: Е.А. Косминский на посту
главного редактора журнала «News» в 1952–1956 гг. 264
Шарова А.В.

Историческая География

Рождение *Норвегии* в географическом воображении допетровской
России 301
Толстиков А.В.

Хроника Научной Жизни

Конференция, посвященная 100-летию А.Я. Гуревича, 30 октября
— 1 ноября 2024 г., ИВИ РАН 335
Лучицкая С.И.

Об Авторах

Abstracts

Contents

A.Ya. Gurevitch and Historical Antropology 9

«Man in History»: Humanistic Aspects of the Research Paradigm of
A.Ya. Gurevich in His Works of the 1970—2000s
P.S. Bychkov 9

«Mediaeval Popular Culture» and the Discussion about Laughter in
Old Rus'
L.A. Trakhtenberg 28

Heresy and Inquisition Studies as a Trend in Recent Historiography
G.V. Bakus 51

Some Remarks on the Trajectories of the Concept of the «Other» in
the Humanities of the Late 20th century
K.A. Levinson..... 81

Worldviews and Styles of Thought in Medieval Europe: Framing the
Problem
O.S. Voskoboimikov 95

Old Norse Mythology 123

Time in the Old Norse Mythology
E.A. Mel'nikova 123

The Tale of «Thorsteinn the Frost»: Infernal, Fear and Laugh in the
Latrine (Viking Age and Medieval East)
V.Ya. Petrukhin 145

Leizla Rannveigar in the Context of Old Norse Translated Visions
I.G. Matyushina..... 161

History and Literature 191

The «Hell-Hunting» Motif: Exempla and Novella
I.K. Staf 191

The «Book of Travels» by John Mandeville and its English Critics of the 17 th century <i>O.I. Togoeva</i>	209
Nikolai Grech as a russian Nodier? An Episode from the History of Russian-French Literary Relations <i>V.A. Milchina</i>	226
From the History of Everyday Life	243
Parisians under Supervision: The Activities of Secret Police Agents in the Second Half of the 18 th Century <i>L.A. Pimenova</i>	243
Soviet Medievalists as the Ideologists: E.A.Kosminski as Editor-in-Chief of «News» Magazine in 1952-1956s. <i>A.V. Sharova</i>	264
Historical Geography	301
The Birth of 'Norway' in Pre-Petrine Russia's Geographical Imagination <i>A.V. Tolstikov</i>	301
Chronicle of Scolary Life	335
The Conference in Honor of 100 th Anniversary of A.Ya. Gurevitch, Okt. 30 — Nov. 1, 2024. IWH RAS, Moscow <i>S.I. Luchitskaya</i>	335
List of Authors	341
Abstracts	345

Некоторые замечания о проблематике понятия «Другого» у А.Я. Гуревича и в современных общественных науках

Левинсон К.А.

DOI: 10.32608/1607-6184-2025-34-1-4

Аннотация: В статье прослеживаются две траектории понятия «другой» во второй половине XX в.: в одной интеллектуальной традиции, ключевыми фигурами которой предстают С. де Бовуар, М. Фуко и Г. Чакраворти Спивак, приписывание статуса «другого» рассматривается как инструмент, применяемый властителями для подавления подчиненных, колонизованных, дискриминируемых и маргинализуемых групп и индивидов, оправдания своей власти над ними и лишения их права на собственный голос. В другой традиции, важнейшими представителями которой стали М.М. Бахтин, А.Я. Гуревич и Л.М. Баткин, присвоение персонажам статуса «другого» использовалось для отстаивания автономии историков и описываемого ими прошлого от догм истмата.

Ключевые слова: другой, иной, инаковость, человек Средневековья, человек Возрождения, история культуры, феминизм, постколониальные исследования, марксизм.

В этой статье будут представлены предварительные наблюдения из области истории понятий «другой», «иной» и связанных с ними («инаковость» и др.). Речь пойдет, конечно, не обо всех современных общественных науках, а всего лишь об одной линии, которую я отмечаю в широком спектре общественных наук, гуманитарных наук и философии второй половины XX и начала XXI веков. При этом я неизбежно буду упоминать многие вещи, в принципе общеизвестные, но необходимые здесь в качестве контекста, в котором эта линия прослеживается.

Хронологию того явления, о котором я хочу сказать, можно обозначить следующими вехами: одной из самых ранних и заметных вех можно считать книгу Симоны де Бовуар «Второй пол»

(1949)¹, где — я сознательно предельно упрощаю и выбираю только ту часть ее тезисов, которая важна для рассматриваемой здесь темы, — речь идет о том, что в западном мире, управляемом и интерпретируемом мужчинами, женский пол с его физиологическими и психологическими характеристиками рассматривается как второй, то есть другой по отношению к мужскому как первому, исходному, основному, нормативному (не случайно в немецком, датском и шведском изданиях этой книги даже ее название было переведено как «Другой пол»²), и именно поэтому — как второстепенный. Симона де Бовуар в этой книге последовательно рассматривает правовое и социальное положение женщины в древнейших цивилизациях вроде Элама, в античных полисах, в Древнем Риме, в средневековой Европе, в обществах эпохи Возрождения и т.д., а также показывает, какие мужские мифы о женщинах определяли судьбу последних.

Главной в этой концепции была именно проблематизация сути и значения постулируемой инаковости: с одной стороны, признает Симона де Бовуар, у женщин есть неоспоримые отличия от мужчин, но с другой стороны — и это главное, — нет ничего естественного и правильного в том, что именно мужчины описывают и оценивают какие-то женские качества, отличные от тех, какие присущи, с мужской точки зрения, человеку вообще, поскольку они присущи мужчине, являющемуся «по умолчанию» его воплощением, и именно мужчины говорят, каковы должны быть выводы из этих отличий. Только потому, что в нашем мире власть, оружие, права, собственность и полномочия интерпретации сконцентрированы в руках мужчин, эта инаковость женского пола, которая стереотипно описывается как состоящая в основном из отличий в худшую сторону, выдвигается в качестве обоснования для подчиненного положения женщины в доме и в государстве. Признаваемые мужчинами немногие положительные отличия женщин от мужчин тоже конструируются в этой системе лишь как доказательство того, что место женщин — в частной, семейной сфере. По мнению Симоны де Бовуар, сама по себе разница между женщинами и мужчинами бесспорна, однако к реально существующим различиям добавлены многочисленные мифы, созданные мужчинами. Не в силу естественных причин, а в силу исторически сложившейся несправедливости эта инаковость женщины была сделана залогом ее непол-

¹ *Beauvoir S. de.* 1949.

² *Beauvoir S. de.* 1951; *Beauvoir S. de.* 1965; *Beauvoir S. de.* 1976.

ноправного положения: репродуктивного рабства, правовой и экономической несамостоятельности. Надежды на освобождение женщины Симона де Бовуар связывала с освобождением трудящихся в результате победы социализма, и в этой связи она отмечала большой прогресс, достигнутый в деле обеспечения правового и экономического равенства полов в СССР, хотя и относилась критически к советской реальности, советской пропаганде и идеологии, к историческому материализму и к концепции Энгельса о происхождении семьи, частной собственности и государства³.

Книга Симоны де Бовуар сыграла огромную роль в формировании идей новой волны феминизма, ставшей одним из мощнейших социальных движений второй половины XX в. и рано или поздно повлиявшей в той или иной мере на многие концепции в общественных и гуманитарных науках. Для темы нашего разговора особо важно отметить то, что благодаря ей получила более широкое хождение в интеллектуальных кругах концепция инаковости, которую можно свести к такой формуле: «Люди разные; но те, кто имеют власть, называют “другими” тех, над кем они властвуют, ради оправдания и укрепления своей власти». Этой концепции суждена была большая судьба, выходящая далеко за пределы феминистской публицистики.

Независимо от того, насколько успешно коммунистический проект в целом и эмансипация женщин в частности реализовывались внутри СССР, бесспорно важным фактором в политической и интеллектуальной истории второй половины XX в. было огромное влияние марксистских идей, будь то в интерпретации Грамши или Ленина-Сталина, или Мао. Национально-освободительное движение в Азии и Африке, конечно, отнюдь не всегда и не во всем было прямым следствием этого влияния. Однако холодная война шла между США с их сателлитами и СССР с его сателлитами, в число которых в той или иной мере втягивались многие страны, освободившиеся от колониального господства стран-союзников США, и описывалось это политическое противостояние, помимо всего прочего, как идейное противостояние между марксизмом и «реакционными идеалистическими буржуазными идеологиями». В силу этой увязки эмансипационный, в частности антиколониальный и постколониальный дискурс в общественных и гуманитарных науках,

³ Бовуар С. де. 1997: 98, 153.

пусть его провозвестники и не учились в советских вузах, находился под сильным влиянием марксистских идей, которые своей респектабельностью и влиятельностью были в огромной мере обязаны тому факту, что рост и мощь социалистического лагеря интерпретировалась как доказательство их верности. В биполярном мире, как его видели многие левые, этот лагерь выступал полюсом свободы, включая и свободу женщин, и свободу народов от колониального господства, а западный лагерь рисовался полюсом несвободы, включая порабощение женщин и колонизованных народов.

В силу этого закономерно, что концепция, согласно которой подчеркивание инаковости, во-первых, есть нечто западное, а во-вторых, есть средство порабощения, заняла важное место и в антиколониальном, а затем постколониальном дискурсе.

Главной вехой постколониального этапа, то есть основополагающей книгой, которую в этой связи необходимо назвать, стала вышедшая в 1978 г. работа Эдварда Саида «Ориентализм»⁴ — книга знаменитая и до сих пор сохраняющая свое влияние, несмотря на всю ту большую и справедливую критику, которую она на себя навлекла со стороны историков как в Европе, так и в Америке, и в Азии. Хотя в России постколониальный дискурс отнюдь не занял главенствующих позиций в науке, русский перевод «Ориентализма» выдержал два издания, а недавно вышел новый перевод, тоже двумя изданиями⁵. У нас нечасто переводят заново нон-фикшн, так что это показательный факт: концепция Эдварда Саида по-прежнему находится в зоне повышенного внимания русскоязычных интеллектуалов, причем не только специалистов по востоковедению или истории колониализма и национально-освободительных движений.

При всех различиях между Эдвардом Саидом и Симоной де Бовуар, с интересующей нас точки зрения между их концепциями есть связь и сходство: суть ориентализма, по Саиду, в том, что, объединяя понятием «Восток» многочисленные и разнообразные культуры в единое целое, наделяя его выдуманными или стереотипизированными свойствами, определяя его через отличия от своей культуры как нормативной, то есть превращая народы «Востока» в «других», «не таких», западные империалисты оправдывают их колонизацию и подчинение. Западная колониальная и неоколони-

⁴ Saïd. 1978.

⁵ Саид. 2006; Саид. 2016; Саид. 2021; Саид. 2024.

альная агрессия, подчеркивает Саид, обосновывается тем, что народы «Востока» не просто иные в нейтральном смысле, а их инаковость отличает их именно в худшую сторону: они якобы ужасны (агрессивны, кровожадны, вероломны) и/или несчастны (подвержены суевериям, невежеству, беззаконию или варварским законам, голоду, болезням и прочим напастям). Частично отличия поддаются исправлению, но в чем-то «другие» таковы по своей природе, то есть неисправимы. Соответственно, Запад убежден, что может и должен осуществлять в отношении них цивилизаторскую миссию ради их блага и/или военное подавление ради собственной безопасности. Для изучения этих «других» и их инаковости — а на самом деле для конструирования ее в нужном колонизаторам ключе — в западном мире уже давно существует такая дисциплина, как «востоковедение». Она производит знание для власти, и Саид призвал это производство прекратить.

Подобное знание для власти, включая его изводы, бытующие среди широкой публики, формулируется в особом империалистическом дискурсе: тут Саид опирается на идеи Мишеля Фуко, идеи которого мы назовем третьей важнейшей вехой в описываемом процессе. Повторять общеизвестные этапы истории его взаимоотношений с марксизмом и коммунистической партией здесь нет ни возможности, ни нужды, ограничусь лишь констатацией самого общего плана: Фуко, как и Бовуар, и Саид, относился к тем левым западным интеллектуалам, на которых идеи Маркса оказали влияние, но которые не считали себя обязанными ни следовать догмам советского исторического материализма, ни бороться с ними.

Мишель Фуко — и тут я вновь выдергиваю лишь одну из его идей и излагаю ее упрощенно — поразил Запад весьма неприятным тезисом, что другими, а значит «не такими», неправильными и подлежащими исправлению и/или подавлению, в западном обществе Нового и Новейшего времени объявляются не только народы далеких стран, но и собственные сограждане, чья психическая деятельность идет по-другому и потому диагностируется как неприемлемое отклонение от нормы, или люди, чья сексуальная активность осуществляется по-другому и потому диагностируется как неприемлемое отклонение от нормы, или чье состояние здоровья диагностируется как неприемлемое отклонение от нормы⁶. Таким образом,

⁶ *Foucault*. 1961. *Foucault*. 1963; *Foucault*. 1976 — 1984.

внутри самой западной культуры, которая возводит свои интеллектуальные, моральные, политические и юридические установления к идеям Просвещения, освободившим человека от рабства и предрассудков, и потому претендует на право судить, подчинять и переделывать тех внешних других, кто плодов Просвещения не вкусил, имеются, оказывается, свои внутренние другие, которые именно на основе просвещенческих идей подвергаются систематическому подавлению: их изолируют, контролируют, наказывают, переделывают и отказывают им в праве самостоятельно принимать важные решения. Проблема, согласно Фуко, не в том, что отдельные граждане не соблюдают законы или нравственные заповеди и не вписываются в медицинские нормы, а в том, как создавались и внедрялись сами эти нормы, позволяющие лишать людей автономии, ссылаясь на их инаковость.

Следующая веха — это работы⁷ Гаятри Чакраворти Спивак — знаменитой, ныне живущей и активно работающей в Колумбийском университете исследовательницы индийского происхождения, которая публикует работы в области философии, литературоведения и Cultural Studies, считающиеся важными элементами фундамента постколониального направления. Она много, хотя не всегда и не для всех понятно, говорит и пишет о самом акте превращения человека в «другого», «иного» — он получил название *othering* (насколько я знаю, пока нет удачного и устоявшегося русского перевода для этого слова). Имеется в виду дискурсивный акт, каковым субъект, выступающий от имени некоего Я или Мы, за которым он подразумевает статус основного, нормативного, правильного, положительно оцениваемого варианта, эксплицитно или имплицитно объявляет, что некие Ты, Вы, Он, Она или Они в силу определенных отличий этим статусом не обладают. Разумеется, здесь непременно задействована стереотипизация: все Мы — такие, все Вы или Они — не такие (*еще* не правильные или *вообще* не правильные). У Чакраворти Спивак в роли этих Я или Мы выступают военные и гражданские чиновники британской Ост-Индской Компании, осуществлявшей колонизацию Индии.

Итак, мы видим, что если Симона де Бовуар и Мишель Фуко указывали на причины и эпохи зарождения описанных ими представлений о «другом» на общекультурном уровне, то Гаятри Ча-

⁷Прежде всего см.: *Chakravorty Spivak*. 1985: 247-265.

краворти Спивак описывала, каким конкретным актом конкретные люди в конкретных ситуациях превращают конкретных людей в «других», «не таких».

В отношении женщин, согласно концепции де Бовуар, их инаковостью оправдывалась дискриминация; в отношении лиц, чья умственная или сексуальная активность считалась ненормальной, согласно Фуко, применялись порой весьма суровые меры, такие как лишение индивидуальной автономии, наказания и насильственные медицинские процедуры; в отношении индивидов и групп (в том числе гигантских по численности народов колонизованных стран), чья инаковость объявляется империалистами и колониалистами несправивой и опасной, согласно концепции Чакраворти Спивак, в предельном случае считается оправданным и необходимым вести войну на уничтожение. Социальная эксклюзия, травля, порабощение, апартеид, геноциды — прямые следствия актов *othering*.

Резюмируя, мы можем сказать, что рамках этой левой, находящейся под сильным влиянием тех или иных вариантов марксизма традиции, охватывающей и феминистские, и постколониальные исследования, статус «другого» рассматривается, во-первых, как приписываемый обычно доминирующими группами или индивидами более слабым, во-вторых, как основанный на вменении последним стереотипных негативных отличительных характеристик, и в-третьих, как обосновывающий этой негативной инаковостью дискриминацию и репрессии в отношении них. Весьма зловещее понятие «другого».

По другую сторону «железного занавеса» во второй половине XX в. также были исследователи в области гуманитарных наук, главным образом истории, использовавшие понятия «другого», «инаковости» и связанные с ними. Такие ученые, как М.М. Бахтин, затем А.Я. Гуревич, Л.М. Баткин и ряд их последователей в своих публикациях и устных выступлениях, посвященных культуре Средневековья и Ренессанса, неоднократно подчеркивали, что их герои отличались от людей XX в., они — другие; мотивы и нормы их поведения, их картина мира, их ментальность — другие. Я оставляю сейчас в стороне вопрос о проблематичности понятия «ментальность/менталитет», от использования которого сам А.Я. Гуревич через некоторое время отказался. Обратим внимание вот на что: Бахтин в книге о Рабле говорит о «народе» как о едином кол-

лективном субъекте⁸, Баткин говорит о «европейском человеке»⁹, Гуревич говорит о «средневековом индивиде», «человеке Средневековья»¹⁰. На мой взгляд, всё это не фигуры речи, а концепция, основанная на сознательной стереотипизации: она позволяет описывать предмет исследования как некую гомогенную универсальную и неизменную сущность, обходясь без систематического учета гендерных, сословных, конфессиональных, географических и прочих различий и изменений. А они, как уже в XX в. было известно из множества эмпирических штудий, зачастую бывали настолько значительны, что оправданность обобщений нужно всякий раз доказывать и не всегда можно доказать. Ссылками на относительную скудость источниковой базы и на слабо выраженную индивидуальность здесь ограничиваться невозможно. Упомянутые мной авторы были умными людьми и хорошо образованными историками и всё это прекрасно понимали. По крайней мере отчасти этот их выбор в пользу максимальной стереотипизации можно объяснить, если вспомнить, в каких условиях и зачем она им понадобилась, по отношению к кому был подчеркнута иным сконструированный ими «другой» и зачем им нужно было подчеркивать его инаковость.

Думаю, вспомнить это нам будет нетрудно: внимание к этой инаковости, по их словам, было необходимо, чтобы людей далекого прошлого правильно понять, задав им правильные вопросы и расслышав их ответы. На мой взгляд, объединять людей изучаемой ими эпохи в единого «человека» или хотя бы в очень крупные типы, такие как «народ», «средневековый купец» или «представитель городских низов эпохи Ренессанса» и т.п., и настаивать на их радикальном отличии от обобщенного «человека сегодняшнего», понадобилось им для того, чтобы проще было вывести сразу всех своих героев — тех индивидов, которые разговаривали с ними со страниц источников, — из-под власти железных универсальных законов и объяснительных схем исторического материализма, которые, как видели Бахтин, Гуревич, Баткин и другие, были неадекватны их материалу. Только так в обстановке монополии истмата в СССР они могли легитимировать свои иные, немарксистские выборы предметов изучения (сразу «культура», без «базиса») и объяснения, под сказанные им текстами источников и концепциями западных историков, а не текстами Маркса и Энгельса в ленинско-сталинской

⁸ *Бахтин*. 1965.

⁹ *Баткин*. 2000.

¹⁰ *Гуревич*. 1972; *Гуревич*. 1990; *Гуревич*. 2005.

интерпретации. «Сегодняшний человек» — лишь частный случай того «человеческого общества», которое, согласно взгляду, господствовавшему в советской исторической науке невзирая на принцип историзма, считалось в принципе настолько универсальным, однородным и неизменным, что можно было объяснять функционирование его и его составляющих в любой момент времени и в любой точке Европы одними и теми же законами экономического детерминизма, развития производительных сил и производственных отношений, классовой борьбы и т.п.

Конструируя свой объект исследования — тут правильнее будет сказать «своих героев», дабы подчеркнуть, что в первую очередь этих ученых интересовали именно люди, а не надперсональные сущности, такие как революции или войны, — и объявляя его «другим» по отношению к стереотипному истматовскому «человеческому обществу», эти исследователи фактически тоже осуществляли своего рода *othering*, но, так сказать, с положительным знаком: они таким способом не лишали своих героев автономии и права слова, а наоборот, давали им возможность сохранить себя и сказать то, что — по крайней мере, на их взгляд, — люди прошлых эпох сами хотели сказать о себе и своем мире. В отличие от западных авторов, о которых шла речь выше, советские историки, осознавая, что вопросы к прошлому диктует им современность, не писали открытым текстом о проблемах своего времени: политическая ситуация в государстве, где они выросли и работали в такой высокоидеологизированной дисциплине, как историческая наука, не располагала к прямым высказываниям, подчеркивающим человеческую уникальность индивида, его непохожесть на догматическую схему из учебника. Говорить о ком-то очень далеком (хронологически и географически) было безопаснее: во всяком случае, меньше был риск оказаться заподозренным в том, что сказанное в книге представляет собой некую критику окружающей реальности или тем более альтернативную идейную программу, ориентированную на практическую реализацию здесь и сейчас, как у Симоны де Бовуар и Эдварда Саида. Но люди в позднем СССР, привыкшие читать между строк, в той или иной мере понимали, что на самом деле заботило Гуревича, Баткина, Бахтина и им подобных.

«Другой» в их работах экзотичен (у Баткина в меньшей степени, у Бахтина и Гуревича — в большей), но при этом не наделяется отрицательным знаком, не изображен ни страшным, ни несчастным,

ни смешным, ни достойным порицания. Если говорить о героях Баткина — величайших богословах, мыслителях и поэтах европейского Средневековья и Ренессанса, — то они, наоборот, представлены как «другие» со знаком плюс. Народ — коллективный герой Бахтина — тоже при всех своих отличиях от советского народа наделен положительными характеристиками.

Итак, мы подходим к заключению. Перед нами две судьбы понятия «другой» («иной», «инаковость»), сложившиеся в двух интеллектуальных мирах. Один мир — тот, где марксизм находился и находится в оппозиции политическому мейнстриму и где политическая и интеллектуальная эмансипация угнетенных групп — женщин, маргинализованных меньшинств, колонизованных народов — шла и до сих пор в значительной мере идет под сильным влиянием марксизма в его несоветских интерпретациях. В том мире авторы и авторки, пишущие в русле феминистских и постколониальных исследований, клеймят приписывание извне статуса «других» людям и коллективам как империалистический инструмент, применяемый гегемонистскими силами (будь то Запад, США, буржуазное общество, старые белые цисгендерные мужчины или кто-то еще) в отношении подчиненных, колонизованных, дискриминируемых и маргинализуемых групп ради закрепления своей власти над ними и лишения их права на автономию, на собственный голос и на безопасное участие в жизни общества.

Другой мир — социалистический (включая ранний постсоциалистический), где марксизм ленинско-сталинского толка был принудительным мейнстримом и где политическая и интеллектуальная эмансипация — по крайней мере, если говорить об интеллигенции — шла посредством расшатывания или избегания нормативных истматовских схем. В этом мире интеллектуалы, работающие в русле истории культуры, использовали концепцию «другого» как способ закрепления за своими героями права на собственный голос, а за темой, предметом и методом своих исследований — и через это за собой как научными работниками, — права на автономию от марксистских догм.

И в том, и в другом случае важна одна и та же функция: назвать людей «другими» — это способ сказать «они не подчиняются нашим законам». Только в одном случае это осуждается, так как автор считает, что люди, в отношении которых осуществлялся или

осуществляется *othering*, должны бы подчиняться общим с остальными законам, поскольку законы эти гарантируют право голоса, автономию и безопасность; в другом же случае автор, наоборот, сам осуществляет *othering*, стремясь вывести тех, о ком пишет (а тем самым, косвенно и не говоря этого вслух, — и своих современников), из-под действия постулируемых в советском марксизме-ленинизме общих «объективных и универсальных законов истории», которые лишают людей автономии, права голоса и безопасности.

Мне неизвестно в подробностях, насколько упомянутые советские исследователи были знакомы с работами западных ученых, о которых я говорил в первой части, но их представления о «других» и о том, что влечет за собой назначение кого-либо «другим» (*othering*), явно формировались независимо: следов рецепции или дискуссии я не обнаружил.

Складывается впечатление, что дело в разнице между вариантами марксизма, а главное — между его положением и функцией в каждом из этих миров: является ли он орудием эмансипации или же наоборот, политического и интеллектуального порабощения.

Напоследок хотелось бы сказать еще о том, смыкаются ли где-нибудь эти два противоположных взгляда. Я вижу как минимум один такой пример. За пределами описанных здесь эпох, когда отошел в прошлое империализм старого, классического образца как экспансионистская политика крупных капиталистических держав, с одной стороны, а с другой — доминировавший ранее марксизм превратился скорее в нишевый, есть как минимум одна сфера, где *othering* применяется в отношении живых людей, но с теми же целями и эффектами, что некогда историками в отношении людей Средневековья: речь идет о так называемых неконтактных народах — первобытных племенах, сохранившихся еще в нескольких точках земного шара и не желающих вступать в контакт с другими¹¹. В ряде случаев на правительственном уровне были приняты решения их не трогать, не приобщать к цивилизации, не обращать их в истинную веру, не делать им прививки, не строить для них дома, школы, магазины и т.д., а дать им жить, как живут. Культурные антропологи, усилиями которых в огромной мере такие решения проводятся, делают то же, что делали представители направления в советской исторической науке, которое позже было названо исто-

¹¹ Kirsch. 1997.

рической антропологией: настаивая на том, что их герои — радикально другие, они выводят их из-под действия губительных для них правил, позволяют им оставаться самими собой и сохранять автономию. Правда, при этом не ставится цель понять их, так как от возможности изучать их тоже приходится отказаться, но это — цена, которая платится за то, что не ставится цель их колонизовать, подчинять и делать «нормальными».

БИБЛИОГРАФИЯ

Баткин Л. М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания: Августин. Абельяр. Элоиза. Петрарка. Лоренцо Великолепный. Макьявелли. М., 2000.

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 — 2. / Пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. С. Г. Айвазовой, коммент. М. В. Аристовой. М.; СПб., 1997.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гуревич А. Я. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.

Саид Э. В. Ориентализм: западные концепции Востока / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., 2006 (Изд. 2-е, испр. и доп. — 2016).

Саид Э. В. Ориентализм / Пер. К. Лопаткиной. М., 2021 (Изд. 2-е — 2024).

Beauvoir S. de. Le deuxième sexe. 2 t. P., 1949.

Beauvoir S. de. Das andere Geschlecht. Sitte und Sexus der Frau. Hamburg, 1951.

Beauvoir S. de. Det andet køn. København, 1965.

Beauvoir S. de. Det andra könet. Stockholm, 1976.

Chakravorty Spivak G. The Rani of Sirmur: An Essay in Reading the Archives // History and Theory. 1985. Vol. 24. Issue 3. P. 247-265.

Foucault M. Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique. S.l., 1961;

Foucault M. Naissance de la clinique: une archéologie du regard medical. P., 1963.

Foucault M. Histoire de la sexualité. 3 t. P., 1976 — 1984.

Kirsch S. «Lost Tribes: Indigenous people and the social imaginary» // Anthropological Quarterly. 1997. Vol. 70. Issue 2. P. 58 — 67.

Saïd E.W. Orientalism. L., 1978.

REFERENCES

Bakhtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kultura srednevekovja i Rennsansa. M., 1965.

Batkin L.M. Jevropeiskij chelovek najedine s soboj. Ocherki o kulturno-istoricheskikh osnovanijakh i predelakh lichnogo samosoznanija: Avgustin. Abeljar. Eloiza. Petrarka. Lorentso Velikolepnyj. Makiavelli. M., 2000.

Beauvoir S. de. Das andere Geschlecht. Sitte und Sexus der Frau. Hamburg, 1951.

Beauvoir S. de. Det andet køn. København, 1965.

Beauvoir S. de. Det andra könet. Stockholm, 1976.

Beauvoir S. de. Le deuxième sexe. 2 t. P., 1949.

Bovuar S. de. Vtoroj pol. T.1 — 2. / Per. s frants.; obsch. red. i vstupit. statja S.G. Ajvazovoj; komment. M.V. Aristovoj. M.; SPb., 1997.

Chakravorty Spivak G. The Rani of Sirmur: An Essay in Reading the Archives // History and Theory. 1985. Vol. 24. Issue 3. P. 247-265.

Foucault M. Folie et déraison: histoire de la folie à l'âge classique. S.l., 1961.

Foucault M. Histoire de la sexualité. 3 t. P., 1976 — 1984.

Foucault M. Naissance de la clinique: une archéologie du regard medical. P., 1963.

Gurevich A.Ya. Individ i sotsium na srednevekovom Zapade. M., 2005.

Gurevitch A.Ya. Kategorii srednevekovoj kultury. M., 1972.

Gurevich A.Ya. Srednevekovyj mir: Kultura bezmolvstvujushego bolshinstva. M., 1990.

Kirsch S. "Lost Tribes: Indigenous people and the social imaginary" // Anthropological Quarterly. 1997. Vol. 70. Issue 2. P. 58 — 67.

Said E.V. Orientalizm / Per. K. Lopatkinov. M., 2021 (Izd. 2-e — 2024).

Said E.V. Orientalizm: zapadnyje konzeptsii Vostoka / Per. s angl. A.V. Govorunova. SPb., 2006 (2-e izd, isp. i dop. - 2016)

Saïd E.W. Orientalism. L., 1978.